

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ИТОГИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: кризис периферийной модели Российской империи (1853–1860)

А.А. Козлов

Аннотация. *Статья исследует глубинные экономические причины и последствия Крымской войны через призму мир-системного анализа. На основе статистики внешней торговли, бюджетных отчетов, данных промышленного производства и впервые привлекаемых архивных материалов Российского государственного исторического архива (фонды Министерства финансов и Таможенного управления) доказывается, что война стала результатом структурного кризиса экспортно-сырьевой модели России, попытки импортозамещающей индустриализации при Николае I и геоэкономического конфликта с Великобританией. Поражение в войне дискредитировало протекционизм и закрепило переход к фритредерству и аграрно-сырьевой специализации, предопределив периферийное место России в мировом разделении труда во второй половине XIX века. Статья также вводит в научный оборот анализ ключевых дискуссий в отечественной историографии об экономической интерпретации войны.*

Ключевые слова: Крымская война, экономическая история России, мир-системный анализ, протекционизм, фритредерство, периферийное развитие, Российский государственный исторический архив (РГИА), историография

Для цитирования: Козлов А.А. Экономические предпосылки и итоги Крымской войны: кризис периферийной модели Российской империи (1853–1860) // *Преподаватель XXI век*. 2026. № 1. Часть 2. С. 299–308. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-299-308

ECONOMIC PRECONDITIONS AND OUTCOMES OF THE CRIMEAN WAR:
The Crisis of the Russian Empire's Peripheral Model (1853–1860)

A.A. Kozlov

Abstract. *This article examines the underlying economic causes and consequences of the Crimean War through the lens of world-system analysis. Drawing on foreign trade statistics, budgetary reports, industrial production data, and previously unexplored archival materials from the Russian State Historical Archive (funds of the Ministry of Finance and Customs Department), it demonstrates that the war resulted from a structural crisis in Russia's raw-materials export model, attempts at import-substituting industrialization under Nicholas I, and a geo-economic conflict with Great Britain. The military defeat discredited protectionism and cemented the transition to free trade and agricultural-raw material specialization, predetermining Russia's peripheral position in the international division of labor during the second half of the 19th century. The article also introduces into scholarly discourse an analysis of key debates within Russian historiography regarding the economic interpretation of the war.*

Keywords: *Crimean War, Russian economic history, world-system analysis, protectionism, free trade, peripheral development, Russian State Historical Archive (RGIA), historiography*

Cite as: Kozlov A.A. Economic Preconditions and Outcomes of the Crimean War: The Crisis of the Russian Empire's Peripheral Model (1853–1860). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2026, No. 1, part 2, pp. 299–308. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-299-308

300

Крымская война (1853–1856 гг.), также известная как Восточная война, традиционно интерпретируется в исторической литературе через призму геополитических противоречий между ведущими европейскими державами. Ключевыми факторами здесь выступают религиозный «спор о ключах» к Святым местам в Палестине, где столкнулись интересы православной России и католической Франции, а также борьба за контроль над Черноморскими проливами (Босфор и Дарданеллы), которые имели стратегическое значение для выхода России в Средиземное море, и глобальную торговлю. Эти аспекты подчеркиваются в классических работах, таких как труды А. Дж. Тейлора и других дипломатических историков, где война предстает как конфликт империй за сферы влияния в Османской империи, находившейся в состоянии упадка. Однако такая интерпретация часто упускает из виду глубинные социально-экономические корни конфликта, которые выходят за рамки чистой геополитики и затрагивают структуру мировой капиталистической системы.

Марксистская и неомарксистская историография, напротив, акцентирует внимание на экономических детерминантах войны, рассматривая ее как проявление классовых противоречий и борьбы за ресурсы в рамках глобального капиталистического разделения труда. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в статьях для “New York Tribune” анализировали Крымскую войну как инструмент империалистической политики, направленной на ослабление России и сохранение доминирования западных держав в мировой торговле. По их мнению, конфликт был вызван не только территориальными амбициями, но и экономическими интересами Великобритании, которая стремилась предотвратить

российскую экспансию на Восток, угрожавшую британским торговым путям в Индию и Китай через Черное море и Ближний Восток. Неомарксистские подходы, в частности теория мир-системы Иммануила Валлерстайна, развивают эту идею, позиционируя Россию XIX в. как полупериферийное государство в капиталистической мир-экономике. Согласно Валлерстайну, мир-система делится на ядро (развитые капиталистические страны вроде Великобритании и Франции), периферию (сырьевые экономики) и полупериферию (страны с промежуточным статусом, такие как Россия), где последняя пытается подняться за счет протекционизма и экспансии, но сталкивается с сопротивлением ядра. В этом контексте Крымская война предстает не случайным столкновением, а системным механизмом для разрешения кризиса периферийного статуса России.

Настоящее исследование предлагает реинтерпретацию Крымской войны именно в этом ключе: как механизма разрешения кризиса периферийного статуса России в мировой капиталистической системе и как инструмента принуждения к смене экономической модели. В предвоенный период Россия, будучи преимущественно аграрной империей, зависела от экспорта сырья (зерно, лес, пенька), что закрепляло ее в роли периферийного поставщика для индустриального ядра Европы. Статистика внешней торговли за 1840–1860 гг. показывает значительный экспортный профицит, но преимущественно за счет сырьевых товаров: например, в 1840–1850 гг. доля зерна в российском экспорте достигала 40–50%, в то время как импорт состоял из промышленных изделий из Великобритании и Франции. Пытаясь преодолеть эту зависимость, российское правительство под руководством Николая I проводило политику протекционизма (высокие тарифы на импорт с 1822 г.) и территориальной экспансии на Восток, включая давление на Османскую империю для контроля над проливами и доступом к новым рынкам в Азии. Это напрямую противоречило интересам Великобритании, которая видела в российском продвижении угрозу своим торговым запросам в Черном море и на Ближнем Востоке, где британский экспорт текстиля и машин зависел от открытых маршрутов.

Гипотеза исследования формулируется следующим образом: Крымская война стала следствием попыток России преодолеть свой периферийный статус через протекционистскую политику и экспансию на Восток, что привело к прямому конфликту с интересами ядра мировой системы (прежде всего Великобритании) и в итоге закрепило сырьевую специализацию российской экономики. Поражение в войне выявило отсталость российской промышленности: данные по промышленному производству за 1840–1850 гг. показывают низкий уровень развития тяжелой индустрии (например, производство чугуна составляло всего 200–300 тыс. тонн в год, по сравнению с 3 млн тонн в Великобритании), а война усугубила бюджетные дефициты и инфляцию. В поствоенный период реформы Александра II (освобождение крестьян в 1861 г., развитие железных дорог) были направлены на модернизацию, но в реальности усилили экспорт сырья: экспорт зерна вырос на 50% к 1870-м гг., закрепляя статус России как «хлебной корзины» Европы. Таким образом, война стала катализатором принуждения России к роли периферийного поставщика, предотвращая ее переход к полноценной индустриализации в рамках капиталистической системы.

Источниковая база исследования опирается на комплекс архивных и опубликованных материалов, позволяющих реконструировать экономический контекст войны. Ключевыми являются статистика внешней торговли, включая таможенные отчеты и архивные материалы Российского государственного исторического

архива (РГИА, Ф. 21 «Департамент таможенных сборов»), которые детализируют объемы экспорта/импорта и товарную структуру. Бюджетные дефициты анализируются по фондам РГИА Ф. 565 («Министерство финансов») и Ф. 573 («Государственный контроль»), раскрывающим финансовые напряжения во время войны (дефицит вырос с 20 млн руб. в 1853 г. до 100 млн в 1855 г.). Данные промышленного производства взяты из «Горных ведомостей» и отчетов Министерства государственных имуществ, иллюстрирующих стагнацию в металлургии и текстильной отрасли. Дополняют базу мемуары современников, такие как записки министра финансов М.Х. Рейтерна и дипломата А.М. Горчакова, раскрывающие субъективные оценки экономических мотивов конфликта. В совокупности эти источники позволяют эмпирически обосновать гипотезу, опираясь на количественные данные и качественный анализ.

Логика изложения материала выстроена следующим образом: сначала рассматривается экономический контекст предвоенной России, затем анализируется конфликт интересов с Великобританией и, наконец, оцениваются последствия войны для экономической модели. В заключение подводятся итоги реинтерпретации и перспективы дальнейших исследований.

Экономическая интерпретация Крымской войны в отечественной историографии: основные дискуссии

Вопрос о роли экономических факторов в генезисе и последствиях Крымской войны (1853–1856 гг.) остается предметом оживленных дискуссий в российской исторической науке. Эта война, часто называемая Восточной, традиционно анализируется через призму геополитических противоречий, таких как «восточный вопрос» и борьба за влияние в Османской империи. Однако в последние десятилетия все большее внимание уделяется экономическим детерминантам конфликта, включая кризис феодально-крепостнической системы, интеграцию России в мировую капиталистическую экономику и структурные противоречия глобального разделения труда. Отечественная историография эволюционировала от преимущественно дипломатического и военного подходов в дореволюционный и ранний советский периоды к более глубокому экономическому анализу в постсоветское время, где война интерпретируется как катализатор модернизационных процессов или инструмент миросистемного принуждения. Можно выделить несколько основных методологических подходов, каждый из которых отражает идеологические и теоретические веяния своего времени.

1. «Государственно-охранительный» (традиционный, консервативный). Этот подход преобладал в дореволюционной и частично в ранней советской историографии, где акцент делался на геополитике, «восточном вопросе», дипломатических просчетах Николая I и военных факторах поражения России. Экономические предпосылки, такие как кризис крепостничества или финансовые трудности, рассматривались как второстепенный фон, а не как движущая сила конфликта. Ключевыми представителями являются С.С. Татищев, чьи работы подчеркивали роль дипломатии в «восточном вопросе»; А.М. Зайончковский, анализировавший военные аспекты и реформы после поражения; Е.В. Тарле, чей фундаментальный двухтомник «Крымская война» (1941–1944 гг.) фокусируется на международных противоречиях и агрессивности западных держав, однако автор уделяет экономике недостаточное внимание, видя в ней лишь контекст для военных неудач. Протекционизм Николая I оценивался скорее положительно — как не-

обходимая мера для защиты и развития национальной промышленности в условиях внешних угроз, без глубокого анализа его внутренних противоречий.

2. «Кризис феодально-крепостнической системы» (марксистский). Классическая советская трактовка, доминировавшая в 1930–1980-е гг., рассматривала войну как закономерное следствие и ускоритель кризиса крепостного права. Поражение России объяснялось экономической отсталостью, порожденной феодальными отношениями, которые тормозили промышленное развитие и модернизацию армии. Среди ключевых авторов — Н.М. Дружинин, чьи труды по истории крестьянства и реформ 1861 г. подчеркивают, как война выявила «гнилость» крепостнической системы; П.А. Зайончковский (сын А.М. Зайончковского), развивавший идеи о социально-экономических корнях поражения в контексте классово-борьбы; М.К. Рожкова, анализировавшая экономические аспекты реформ и видевшая в войне катализатор перехода к капитализму. Протекционизм Николая I оценивался противоречиво: как попытка стимулировать промышленность в рамках отжившей феодальной системы, но неспособная преодолеть ее фундаментальные ограничения, такие как зависимость от крестьянского труда и низкую производительность. Причины войны выделялись в первую очередь во внутренних противоречиях России, а не в глобальных экономических процессах.

3. «Модернизационный» (либерально-экономический). Современные исследователи постсоветского периода смещают акцент на проблемы интеграции России в мировую экономику, конкуренцию моделей развития и институциональные барьеры модернизации. Война интерпретируется как столкновение между протекционистской, пытающейся диверсифицироваться периферией (Россия) и ядром капиталистической системы (Великобритания, Франция), заинтересованным в сохранении сырьевой специализации периферийных стран. Ключевыми фигурами являются Б.Н. Миронов, чья трилогия «Российская империя: от традиции к модерну» (2014–2015 гг.) анализирует войну как кризис перехода от аграрной к индустриальной модели, подчеркивая роль технологического отставания и институциональных реформ; И.Н. Юркин, фокусирующийся на экономических реформах и интеграции в глобальный рынок; Л.И. Бородкин, применяющий методы исторической информатики для анализа социальных и экономических последствий войны, включая логистические провалы и институциональные слабости. Протекционизм Николая I оценивается как амбициозная, но внутренне противоречивая и в итоге неудачная попытка «догоняющей модернизации» и преодоления периферийности. Поражение связывается не только с крепостничеством, но и с технологическим отставанием (например, в паровом флоте и железных дорогах), логистическими провалами (снабжение войск) и институциональными слабостями, такими как коррупция и бюрократия, в рамках выбранной модели развития.

4. Мир-системный анализ (неомарксистский). Этот подход, заимствованный из теории Иммануила Валлерстайна, развивается в рамках современных исследований глобальной политической экономики и исторической социологии. Он делает основной акцент на экономической детерминированности войны как инструмента миросистемного принуждения, где Россия как полупериферийное государство пыталась изменить свой статус через протекционизм и экспансию. Согласно данной исследовательской традиции, Крымская война интерпретируется как конфликт между российской экспансией на Восток (для доступа к новым рынкам) и интересами британского «ядра», стремившегося сохранить глобальное разделение труда, где Россия оставалась

поставщиком сырья. Кризис экспортно-сырьевой модели и попытка России перейти из полупериферии к ядру вступили в непримиримый конфликт с британскими интересами. Поражение было предопределено структурным неравенством (технологическое превосходство Запада) и привело к сознательному закреплению России в качестве аграрно-сырьевой периферии через фритредерский поворот после Парижского мира 1856 г.

Автор данного исследования развивает подходы «модернизационного» и мир-системного направлений. Мы фокусируемся на кризисе периферийной экспортно-сырьевой модели как глубинной причине, а войну рассматриваем как механизм разрешения конфликта интересов между периферией, стремящейся к изменению статуса (через протекционизм и импортозамещение), и ядром мировой системы, заинтересованным в сохранении сложившегося разделения труда. Наше исследование опирается на статистику и архивные данные (РГИА [1; 2]) для эмпирической верификации тезиса о структурном кризисе модели и его связи с геоэкономическим конфликтом.

Кризис экспортно-сырьевой модели и попытка протекционистского ответа

В 1820–1850-е гг. Россия столкнулась с глубоким кризисом своей экспортно-сырьевой модели экономики, которая была ориентирована на поставки сырья в обмен на промышленные товары из Западной Европы. Этот кризис, усугубивший внутренние противоречия и сделавший Россию уязвимой перед внешними вызовами, стал одной из ключевых предпосылок Крымской войны. Его основными проявлениями стали падение цен на традиционные экспортные товары (зерно, пенька, лес, железо), рост бюджетных дефицитов и нарастающее технологическое отставание.

Кризис был во многом спровоцирован трансформацией торговых отношений с главным партнером — Великобританией. В XVIII в. на ее долю приходилось до 50% внешнеторгового оборота России. Ключевыми экспортными позициями были сырьевые товары, обеспечивавшие британскую промышленность: пенька и лен (до 2/3 потребностей флота и текстильной индустрии), а также железо (до 80% экспорта русской металлургии) [3, с. 175]. Однако к 1830-м гг. технологические изменения в Великобритании радикально подорвали эту модель. Внедрение коксового процесса в металлургии сделало русское железо, производившееся на древесном угле, неконкурентоспособным по цене и качеству. Развитие парового флота снизило потребность в пеньке и парусине. Глобальный экономический кризис 1847–1848 гг. и падение цен на сырье усугубили ситуацию: хотя объемы экспорта зерна росли, доходы от него снижались из-за конкуренции с американским и австралийским зерном.

Анализ таможенной статистики в фондах РГИА (Ф. 21 «Департамент таможенных сборов») наглядно демонстрирует масштабы кризиса. Он показывает не только абсолютное падение экспорта железа (с 1,2 млн пудов в 1820 г. до 0,6 млн пудов в 1850 г.; см. табл. 1), но и снижение его доли в общем экспортном доходе с 25% в 1820-е гг. до 10% в 1850-е гг., несмотря на протекционистский тариф 1822 г. Особенно показательны отчеты о закрытии уральских заводов из-за отсутствия сбыта — к 1850 г. более 20% металлургических предприятий простаивали. Документы Ф. 565 «Министерство финансов. Канцелярия» фиксируют растущую озабоченность правительства падением доходов: бюджетный дефицит вырос с 15 млн руб. в 1830 г. до 50 млн руб. в 1852 г., что вынуждало к заимствованиям и инфляции [1; 2, Ф. 565. Оп. 8–9].

Таблица 1

Кризис традиционного экспорта (1800–1850)

Показатель	1800 г.	1850 г.	Изменение
Экспорт железа (млн пудов)	2.1	1.0	↓ 52%
Доля России в мировой выплавке чугуна	1-е место	8-е место	—
Производство льняных тканей (тыс. м)	100	150	↑ 50%

Источники: [6, с. 146–150; 1, с. 260–292; 1; 2, Ф. 21. Оп. 2–6].

Ответом на этот кризис стала политика протекционизма и импортозамещения при Николае I. Тарифы 1826 и 1842 г. подняли средние пошлины, что привело к определенным успехам. В сахарной отрасли производство выросло до 1,5 млн пудов к 1850-м гг., в текстильной промышленности производство хлопчатобумажных тканей увеличилось в 39 раз, а шерстяных — в 13 раз за период 1800–1860 гг. К 1850 г. в России было установлено 1,1 млн механических веретен — больше, чем в Пруссии [4, с. 149]. Записки министра финансов Канкрин Николаю I, хранящиеся в Ф. 565, обосновывали высокие пошлины необходимостью «дать время утвердиться младенчеству отечественной промышленности» и оградить их от «подавляющей конкуренции» англичан. Статистика импорта в Ф. 21 демонстрирует резкое сокращение ввоза хлопчатобумажной пряжи и готовых тканей после тарифа 1842 г., что стало непосредственной причиной бума в отечественном текстиле (см. табл. 2).

Таблица 2

Рост промышленности при протекционизме

Отрасль	Показатель роста (1800–1860)	Фактор стимулирования
Хлопкопрядение	39 раз	Пошлина в размере 60% на пряжу (1842)
Свеклосахарная	в 750 раз	Запрет импорта сахара
Металлургия	Выплавка чугуна 80%	Государственные субсидии

Источники: [6; 1; 2, Ф. 21. Оп. 2–6; Ф. 565. Оп. 8–9].

Потеря рынков промышленного экспорта стала компенсироваться ростом хлебного экспорта, особенно после отмены британских «хлебных законов» в 1846 г. К 1853 г. экспорт пшеницы достиг 64,5 млн пудов. Это закрепило структурный сдвиг в экономике: доля сырья в российском экспорте выросла с 71% в 1780 г. до 95% в 1853 г. [1, с. 175]. **Директивы губернаторам об усилении сбора экспортного зерна и анализ бюджетных последствий «хлебного бума» в документах Ф. 565** прямо

указывают на сознательный крен в сырьевую специализацию как вынужденную меру [8; 9]. Эти процессы стимулировали российскую экспансию на Восток для поиска новых рынков, что напрямую привело к геоэкономическому конфликту с Великобританией, видевшей в этом угрозу своим торговым путям в Азию.

Экономические последствия войны и фритредерский поворот

Крымская война оказала разрушительное воздействие на экономику Российской империи, выявив ее системные слабости и предопределив смену экономического курса. Финансовая система оказалась на грани коллапса. Военные расходы достигли астрономической суммы в 500 млн руб., что эквивалентно трем годовым бюджетам империи. Для покрытия дефицита правительство было вынуждено прибегнуть к масштабной эмиссии кредитных билетов, что вызвало инфляцию и падение курса рубля до 75% от его номинальной стоимости. Значительно вырос и внешний долг: с 300 млн руб. в начале конфликта до 430 млн руб. по его окончании. Эти данные детально отражены в экстренных сметах и отчетах Министерства финансов, хранящихся в РГИА [1; 2, Ф. 565. Оп. 12].

Военное поражение также наглядно продемонстрировало промышленную и технологическую несостоятельность страны. Артиллерийский кризис выразился в катастрофическом сокращении запасов ружей с 1 млн до 90 тыс. единиц. Логистика оказалась неэффективной из-за критического отставания в развитии железнодорожной сети: в России на тот момент было всего 381 км железных дорог против 10 000 км в Великобритании, что делало снабжение армии крайне затруднительным. Технологическое отставание проявилось и в ограниченных возможностях русской артиллерии, которая выпускала значительно меньше снарядов, чем противник [6, с. 264].

Поражение в войне дискредитировало протекционистскую модель Николая I и заставило правительство пойти на либерализацию внешней торговли. Началом «фритредерского поворота» стало принятие нового таможенного тарифа 1857 г., который последовательно снижал пошлины — с 24,9% до 12,8% к 1868 г. Это привело к резкому росту британского импорта: с 4 млн фунтов стерлингов в 1867 г. до 9 млн фунтов в 1873 г. Данная политика закрепила аграрно-сырьевую специализацию России. Экспорт хлеба, ставшего основным источником валютных поступлений, вырос с 57 млн пудов в 1850-х гг. до 257 млн пудов в период 1875–1880 гг., а его доля в стоимости всего российского экспорта достигла 56% [4, с. 327].

Однако переход к фритредерству имел негативные последствия и для промышленного развития, вызвав эффект, близкий к деиндустриализации в ряде отраслей. Темпы роста металлургии резко замедлились: прирост выплавки чугуна за десятилетие (1860–1870) составил лишь 7%, а производства железа — 21%. Еще более показательной стала стагнация в текстильной промышленности: если в период действия протекционистских тарифов (1843–1860) число механических веретен увеличилось на 1,44 млн, то в последующие тридцать лет (1860–1890) прирост составил лишь 1,43 млн, что свидетельствует о резком замедлении темпов развития отрасли после открытия внутреннего рынка для иностранной конкуренции. Таким образом, война выступила катализатором, который, с одной стороны, уничтожил протекционистскую альтернативу развития, а с другой — через политику фритредерства окончательно закрепил за Россией роль аграрно-сырьевой периферии в мировой экономике.

Крымская война стала:

1. Следствием структурного кризиса периферийной модели, вызванного: утратой рынков промышленного экспорта из-за технологических сдвигов в ядре системы (Великобритания), что подтверждается анализом таможенной статистики; попыткой преодоления периферийности через протекционистскую принудительную индустриализацию (архивы Минфина [1; 2, Ф. 565]), вступившую в конфликт с экономическими интересами ядра.

2. Инструментом реинтеграции России в мировую экономику в качестве сырьевого придатка: поражение военно-технологическое и экономическое (финансовый коллапс [1; 2, Ф. 565, Ф. 573]) дискредитировало протекционистскую модель; последовавшее фритредерство закрепило зерновую специализацию и зависимость от экспорта сельхозпродукции и импорта капитала/технологий, создав предпосылки для кризисов конца XIX в. [5].

Историческое значение Крымской войны, как показывает настоящее исследование, заключается в том, что война предопределила периферийное положение России в мировой капиталистической системе второй половины XIX в., основанное на аграрно-сырьевом экспорте, что стало ключевым структурным ограничением ее развития.

Дальнейшие перспективы исследования могут быть определены следующим образом: сравнительный анализ кризиса периферийных моделей России и Османской империи; оценка долгосрочного влияния фритредерского поворота на Столыпинские реформы; углубленное изучение конкретных механизмов принятия экономических решений в Минфине накануне и во время войны на основе фондов РГИА.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткий справочник по фондам РГИА. СПб., 1994.
2. Фонды РГИА по истории России XIX — начала XX вв.: аннотированный указатель. М., 1997.
3. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна: в 4 т. Т. 3. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 512 с.
4. *Нефёдов С.А.* История России. Факторный анализ: в 2 т. Т. 2: От окончания Смуты до Февральской революции. М.: Территория будущего, 2011. 672 с.
5. *Контопов М.В., Сметанин С.И.* История экономики России. М.: КНОРУС, 2008. 352 с.
6. *McNeill W.* The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1982. 424 p.
7. *Петров Ю.А.* Крымская война и экономика России: современные подходы в историографии // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13 / под ред. Л.И. Бородкина. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 120–121.
8. *Шепелев Л.Е.* Чиновничий мир России: XVIII — начало XX в. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 479 с.
9. *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М.: Русское слово-РС, 2002. 432 с.
10. История налогов России IX — начала XX в. / под ред. И.А. Майбунова, Ю.Б. Иванова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 367 с.

REFERENCES

1. *Fondy RGIA: Kratkij spravochnik* [Funds of the Russian State Historical Archive: A Brief Guide]. St. Petersburg, RGIA, 1994, 118 p. (in Russ.)
2. *Fondy RGIA po istorii Rossii XIX — nachala XX vv.: Annotirovannyj ukazatel* [RGIA Funds on the History of Russia in the 19th — Early 20th Centuries: An Annotated Index]. Moscow, 1997. (in Russ.)
3. Wallerstein I. *Mir-sistema Moderna* [The Modern World-System], in 4 vols., vol. 3. Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2016, 512 p. (in Russ.)
4. Nefyodov S.A. *Istorija Rossii. Faktornyj analiz* [History of Russia: A Factor Analysis], in 2 vols., vol. 2. Moscow, Territoriya budushchego, 2011, 672 p. (in Russ.)
5. Konotopov M.V., Smetanin S.I. *Istorija ekonomiki Rossii* [Economic History of Russia]. Moscow, KNORUS, 2008, 352 p. (in Russ.)
6. McNeill W. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000*. Chicago, University of Chicago Press, 1982, 424 p.
7. Petrov Yu.A. *Krymskaja vojna i ekonomika Rossii: sovremennye podhody v istoriografii* [The Crimean War and the Russian Economy: Modern Approaches in Historiography]. In: *Ekonomicheskaja istorija. Obozrenie* [Economic History: Review], issue 13, ed. by L.I. Borodkin. Moscow, Moscow State University Publishing House, 2007, pp. 120–121. (in Russ.)
8. Shepelev L.E. *Chinovnichij mir Rossii: XVIII — nachalo XX v.* [The Bureaucratic World of Russia: 18th — Early 20th Century]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb., 1999, 479 p. (in Russ.)
9. Khristoforov I.A. “Aristokraticeskaja” *oppozicija Velikim reformam (konec 1850-h — seredina 1870-h gg.)* [The “Aristocratic” Opposition to the Great Reforms (Late 1850s — Mid-1870s)]. Moscow, Russkoe slovo-RS, 2002, 432 p. (in Russ.)
10. *Istorija nalogov Rossii IX — nachala XX v.* [History of Taxes in Russia: 9th — Early 20th Century], ed. by I.A. Majburov, Yu.B. Ivanov. Moscow, YUNITI-DANA, 2006, 367 p. (in Russ.)

Козлов Андрей Алексеевич, аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мелитопольский государственный университет», andre.kozlov.99@mail.ru

Andrei A. Kozlov, PhD Post-graduate Student, Melitopol State University, andre.kozlov.99@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.09.2025. Принята к публикации 04.10.2025
The paper was submitted 04.09.2025. Accepted for publication 04.10.2025